

К. Н. ДЕРЖАВИН

ПУШКИН В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

1

Как бы широки и многообразны ни были восприятия Пушкина за пределами его родины, на западе и востоке, наиболее глубокие и плодотворные отзвуки его творчество нашло и продолжает находить среди зарубежных славянских народов.

Знакомство зарубежных славян с Пушкиным восходит еще к жизни поэта, к тому времени, когда угнетенные прусской, австро-венгерской, турецкой монархиями и царизмом славянские народы вступают на путь борьбы за свое национальное освобождение, когда прогрессивные демократические круги славянских стран и широкие народные массы обращают взоры к великому русскому народу, их естественному защитнику и будущему освободителю. В этот период вполне закономерен интерес зарубежного славянства к Пушкину и пушкинской поэзии.¹

---

¹ О Пушкине у славян см.: А. Степович. Пушкин у славян. Сборник статей об А. С. Пушкине по поводу столетнего юбилея, ч. 2, Киев, 1899, стр. 187—198; П. А. Лавров. Пушкин и славяне. «Записки имп. Новороссийского университета», т. 81, 1900, стр. 93—122; А. С. Пушкин в южно-славянских литературах. Сборник библиографических и литературно-критических статей, изд. под ред. И. В. Ягича, СПб., 1901; А. Сиротинин. Пушкин и славяне. «Россия и славяне», СПб., 1913, стр. 1—24; С. Артемьев. Пушкин у славян. «Новый мир», 1949, № 6, стр. 216—226; К. Н. Державин. Пушкин у славян. «Звезда», 1949, № 6, стр. 171—175; К. Н. Державин. Пушкин и зарубежные славяне. «Славяне», 1949, № 6, стр. 21—26; то же на болгарском языке: Пушкин и славянските народи. «Отечествен фронт», София, 1949, № 1465, и «Българо-съветска дружба», София, 1949, кн. 6, стр. 37—38; то же на польском языке: Puszkín w słowiańszczyźnie. «Życie słowiańskie». Warszawa, 1949, № 718, s. 444—454, и «Przyjaźń», Warszawa, 1949, № 30.

Величайший в поэзии представитель русской национальности, певец вольности и свободы, создатель и глава новой поэтической школы, — таким воспринимали Пушкина его славянские почитатели. Свободолюбивое содержание пушкинской поэзии и народность ее создали славу Пушкину на берегах Вислы и Дуная, среди народов, поднимавшихся на борьбу за свою национальную независимость и самобытную, национальную культуру. Великий русский поэт, мечтавший вместе со своим польским собратом Мицкевичем о временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», стал для западных и южных славян глашатаем их свободы и выразителем их дум и чаяний, воплощенных в «прекрасном», как сказал Юлиуш Словацкий, и «полном бриллиантов» пушкинском языке.

Немалую роль в привлечении внимания славянских читателей к Пушкину играло и широкое включение великим русским поэтом в круг своих поэтических интересов славянских тем и образов. Зарубежные славяне называли Пушкина «великим славянским поэтом» не только по признаку его языка, но и потому, что он первый из представителей русской литературы сделал славянство органическим и неотъемлемым элементом своей поэзии, постоянно обращавшейся к фольклору, истории и национальной традиции славянских народов. Образ пленной полячки Марии в «Бахчисарайском фонтане», история болгарского хайдука Кирджали, «Песни западных славян», блистательные переводы из Мицкевича — вот несколько ярких свидетельств о славянских интересах великого русского поэта, кристаллизовавшихся не в одном шедевре его поэтического и прозаического мастерства. Неслучайно поэтому «Бахчисарайский фонтан» так рано появился в польских переводах, а стихотворения «Дочери Карагеоргия» и «Песня о Георгии Черном» были едва ли не первыми образцами пушкинской поэзии, с которыми познакомились сербские читатели.

Слава Пушкина разнеслась по славянским землям еще при жизни поэта. Нет ничего неожиданного в том, что едва ли не первое упоминание имени русского поэта и первая характеристика его творческого облика в устах его славянских почитателей встречается в письме члена тайного общества виленских филоматов Винцентия Пельчинского, которое он написал из Петербурга в Вильно своему другу филомату Ежовскому 17 ноября 1820 года. «Здесь показался было, — писал Пельчинский, — немалый поэтический талант в лице одного девятнадцатилетнего юноши, несколько стихотворений и небольшая поэма которого счастливо ему удалось и написаны мощно.

Муза его, однако, плохо знала законы, за что он и был выслан на границу Персии (*так!*), чтобы там она немного присмирела». ¹ Так в первом же славянском суждении о великом русском поэте подчеркивались оппозиционный характер его лирики и постигшая его высылка.

Польской литературе принадлежит и первый поэтический отклик на творчество Пушкина, примечательный своей высокой оценкой его гения. К первой половине 1822 года относится стихотворение Густава Олизара «К Пушкину» («Do Puszkina»), в котором этот будущий узник Петропавловской крепости писал русскому поэту:

Лишь искра гения твоего
Сравниться может с блеском солнца.²

Польский язык был также первым из славянских языков, на котором появились переводы Пушкина. В 1824 году Модест Станкевич и Адам Словиковский опубликовали в «Виленском ежедневнике» (*Dziennik Wileński*) свои переводы песни черкешенки из «Кавказского пленника», «Нереиды» и «Татарской песни». В Вильне же в 1826 году вышли в свет переводы «Братьев разбойников» Н. Я. Завадского и «Бахчисарайского фонтана» А. Рогальского. Последний был снабжен обстоятельным предисловием переводчика, в котором поэма Пушкина была названа «великолепной», и особым стихотворным обращением к автору «Бахчисарайского фонтана» — «истинному поэту великого народа» («*tkiwy poeta wielkiego naroda*»). ³ Следует отметить, что Рогальский настойчиво подчеркивает «романтичность» пушкинской поэмы, видя в ней союзника и опору молодой прогрессивной польской литературы, возглавлявшейся Мицкевичем, в ее борьбе с консервативным шляхетско-придворным классицизмом. За два года до этого видный галицийский «славофил» и один из деятелей антиавстрийского движения Станислав Яшовский высказал в своей статье о «Бахчисарайском фонтане» в «Газете львовской» («*Gazeta Lwowska*», 1824, № 49) примерно те же мысли. И для него Пушкин был «молодым и гениальным российским поэтом». Яшовскому принадлежит и включенный в 1837 году

¹ Archiwum Filomatów, Cz. I, t. III, Kraków, 1913, s. 21.

² «Литературный архив», т. I, М.—Л., 1938, стр. 143—148.

³ A. S. Puszkin. Fontanna u Bakczyseraju, Przekł z ros., Wilno, 1826. Из обширной литературы о Пушкине в Польше см.: М. В. Дедов. А. С. Пушкин в польской литературе. Варшава, 1899; M. Jakobiec. Puszkin w Polsce — в книге: Puszkin, t. II, Kraków, 1939.

в цикл его сонетов, посвященных крупнейшим деятелям славянских литератур, сонет о Пушкине. Еще не зная о смерти поэта, его польский почитатель предвосхищает основную идею пушкинского «Памятника», говоря о всенародной славе поэзии Пушкина, творения которого будут читать и в «петроградских салонах», и у «пределов Китая», и в башкирских степях, и в хижинах камчадалов.

При жизни поэта на польском языке появился, кроме указанных, целый ряд переложений его поэм («Братья разбойники» Наполеона Жабье, Варшава, 1828; «Кавказский пленник», аноним, Варшава, 1828; «Полтава» Людвиг Яцевича, Вильно, 1834), отдельных стихотворений, «Пиковой дамы» (1835) и «Кирджали» (1836). Среди ранних польских переводчиков Пушкина мы встречаем имена А. Э. Одынца, А. Ходзько и, наконец, Мицкевича, вдохновенно передавшего в 1828 году на родном ему языке пушкинское «Воспоминание» («Przyroptnienie»). К 1827 году, году знакомства и начала дружбы Мицкевича с Пушкиным, относится и известное письмо великого польского поэта к А. Э. Одынцу, содержащее краткую, но меткую характеристику создателя «Бориса Годунова».

Имена Мицкевича, Одынца, Ходзько, виленских филоматов и львовских «славофилов» сами по себе характеризуют ту общественно-политическую атмосферу, в которой поэзия Пушкина воспринималась его польскими почитателями. Для всех них Пушкин прежде всего поэт русского народа, поэт свободы и вольности. Мицкевич наиболее точно выразил оценку своего могучего собрата польской прогрессивной общественностью в «Памятнике Петру Великому»:

Шел дождь. Укрывшись под одним плащом,
Стояли двое в сумраке ночном.
Один, гонимый царским произволом,
Сын Запада, безвестный был пришлец.
Другой был русский, вольности певец,
Будивший Север пламенным глаголом.
Хоть встретились немного дней назад,
Но речь вели они как с братом брат.
Их души вознеслись над всем земным.
Так две скалы разделены стремниной,
Встречаются под небом голубым,
Клонясь к вершине дружеской вершиной,
И ропот волн сверху не слышен им.

Перевод В. Левика¹

¹ Цитируется по рукописи подготовленного Гослитиздатом к изданию III тома «Собрания сочинений» А. Мицкевича.

Имя Пушкина тесно связано с историей чешского и словацкого возрождения. С его поэзией были знакомы основоположники новой чешской науки и литературы Ганка, Павел Шафарик, пославший Пушкину в подарок один из своих трудов («История славянских литератур»), и Иосиф Юнгман, в своей статье «О классицизме в литературе вообще и в частности в чешской» («О klasičnisti w literatuře vůbec a zvláště česke», 1827) поместивший имя молодого Пушкина рядом с именами Ломоносова, Державина и Карамзина.¹

Крупнейшие представители возрождающейся национальной чешской и словацкой литературы обращаются к Пушкину, как к своему вдохновителю и наставнику.

Первым из появившихся в Чехии переводов из Пушкина были прозаические «Cikani» («Цыганы») Яна Славомира Томичека, напечатанные в журнале «Чехослав» («Čechoslav») в 1830 году. Истинным основателем чешской школы переводчиков Пушкина был знаменитый Франтишек-Ладислав Челяковский, поместивший в 1833 году в журнале «Временник чешского музея» превосходные переводы ряда стихотворений Пушкина, в том числе «Утопленника», «Двух воронов», «Зимнего вечера» и других. В 1835 году Ян Славомир Томичек опубликовал отрывки своего перевода «Бориса Годунова» — первого в славянских литературах опыта передачи пушкинской трагедии.

В это же время, в 1834 году, вождь польской революционной демократии Иоахим Лелевель произнес в Брюсселе, в годовщину восстания декабристов, горячую речь, в которой, говоря о борьбе вольности с деспотизмом, привел как пример Пушкина и его свободолюбивую поэзию.

В сербской литературе первые упоминания о Пушкине относятся к 1825 году.

«Сербские летописи» («Српске летописи»), издававшиеся Ю. Магарашевичем в этом и в последующих годах, помещают на своих страницах ряд заметок и восторженных статей о пушкинских произведениях. В 30-е годы некоторые стихотворения Пушкина («Дочери Карагеоргия», «Гречанке»,

¹ О Пушкине в Чехии и Словакии см.: Josef Jirasek. Rusko a my. Praha, 1929; J. Skultěty. Puškin u Slovakov. «Slovenské Pohľady», 1899, č. 10; В. А. Францев. А. С. Пушкин в чешской литературе. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», 1900, т. 66, № 4, стр. 1—22; Л. Кишкин. Пушкин в Чехословакии. «Новый мир», 1949, № 6; Рудо Бртань. Пушкин в Словакии. «Славяне», 1949, № 3, стр. 47—49.

«Муза» и другие) печатаются в различных сербских повременных изданиях в русском оригинале.¹

Кончина Пушкина была широко отмечена славянской печатью. Ее отклики на общую для всех славянских народов невознаградимую потерю ярко свидетельствуют не только о широкой известности Пушкина у славянских читателей, но и о том высоком месте, которое занял он в самосознании передовой славянской общественности.

Пражский «Временник чешского музея» откликнулся на известие о смерти Пушкина переводом известной статьи Полевого и рядом пушкинских стихотворений в переложении Ф. Челяковского. Чувства словацких возрожденцев, вызванные вестью о кончине Пушкина, прекрасно выразил в своем стихотворении «Скорбь о Пушкине» один из основоположников славянской взаимности Людевит Штур:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звук его лютни на вольных просторах славянства.
С горных вершин будет парить, как орел, он над нами,
И далеко его песни пройдут по славянским долинам.²

«Сербский народный лист» («Српски народни лист») посвятил памяти русского поэта большую статью, в которой охарактеризовал «робеспьеровско-республиканскую» направленность его политических произведений. Хорватский журнал «Денница» известного деятеля славянской взаимности Людевита Гаю дал подробный анонимный очерк жизни и творчества Пушкина.

Великий словацкий поэт Ян Коллар в своей эпической поэме «Дочь Славы» («Slavy dcera») горестно воскликнул:

О, Пушкин! говорю я полн печали:
С тобою Слава блеск, язык же русский
Творца эпохи новой потеряли!³

Отметим, что в заключительной песне этой поэмы, посвященной описанию ада, в котором пребывают все враги славянских народов, нашлось место и для убийцы Пушкина — Дантеса.

Крупнейшим событием среди славянских откликов на кончину великого русского поэта явилась статья Мицкевича за

¹ П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Варшава, 1908; указанный выше сборник «А. С. Пушкин в южно-славянских литературах», СПб., 1901.

² А. Сиротинин. Россия и славяне. СПб., 1913, стр. 9.

³ Там же, стр. 226

подписью «Друг Пушкина», опубликованная 25 мая 1837 года в парижском журнале «Le Globe». Озаглавленная «Александр Пушкин», статья эта представляет исключительно важную для понимания истинного смысла отношений между двумя крупнейшими поэтами своей эпохи. Она первая в славянских литературах дала развернутую и пронизательную характеристику Пушкина как величайшего народного и гражданского поэта России, точно, ясно и с глубоким сочувствием определив историческую роль великого поэта.

Отмечая, что Пушкин «сразу же был признан самым первым поэтом своего отечества», Мицкевич указывает на то, что «такое явление... предвещало на севере великую литературную революцию». Революция эта, по мысли Мицкевича, была литературным отражением декабризма. «Пушкин, как все его друзья, — пишет польский поэт, — был в оппозиции и в последние годы царствования Александра выпустил в свет несколько эпиграмм против его личности и против его правления. Он написал также оду „Кинжал“. Эти летучие стихи обошли в рукописях Россию...; их всюду читали, разбирали, толковали, восхваляли... , чтобы осмелиться написать что-либо подобное в России, требуется больше мужества, чем чтобы поднять мятеж на улицах Парижа или Лондона. С тех пор Пушкина стали рассматривать, как главу интеллектуальной оппозиции, как человека политически опасного для правительства». Характеризуя далее путь русского поэта, Мицкевич весьма глубоко вскрывает формирование «новой манеры» в его творчестве и пронизательно определяет последний период жизни поэта, как период отнюдь не отхода от революционных идеалов юности, а накопления еще более глубоких поэтических и общественно-философских концепций. «... В разговорах его, которые становились все более серьезными, — отмечает Мицкевич, — можно было заметить зародыши будущих его произведений. Он любил спорить о высоких духовных и общественных вопросах, о существовании которых его соотечественники даже не подозревали. Очевидно, в нем происходило какое-то внутреннее преобразование». В связи с этим Мицкевич подчеркивает и взгляды Пушкина на задачи литературы: «Он презирал авторов, не имеющих цели и стремлений. Он не любил философского скептицизма и художественной бесстрастности Гете... Может быть его воображение работало над тем, чтобы воплотить в себе мысли в духе Сен-Симона или Фурье?.. Как бы то ни было, я убежден, что его поэтическое молчание было счастливым предзнаменованием для русской литературы... Пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной Рос-

сии страшнейший удар. Есть у нее и теперь знаменитые писатели... но никто из них не заменит Пушкина».¹

Принадлежащая Мицкевичу оценка Пушкина, как величайшего представителя в литературе русской прогрессивной общественности, стала типичной для восприятия русского поэта передовыми кругами славянских народов. Сам Мицкевич вернулся к этой оценке и в своих лекциях о славянских литературах, которые он читал в Коллеж де Франс в Париже в 1842—1844 годах и в которых рассматривал Пушкина как жертву российского абсолютизма. На путях к революционным событиям 1848 года среди славянской общественности утверждается образ Пушкина как образ поэта-революционера. Именно в это время Пушкин для его славянских почитателей становится живым спутником национально-освободительного движения и высоким образцом поэта, глубоко связанного с народной жизнью и народными чаяниями. Именно с этого времени можно отметить и благотворное воздействие пушкинского поэтического наследия на литературную жизнь ряда славянских стран.

2

Накануне 1848 года то высокое место, которое занял Пушкин в культуре славянских народов, было засвидетельствовано, между прочим, выдающимся итальянским революционером Джузеппе Мадзини в статье «О славянском национальном движении» (1847), вошедшей позднее в состав его известных «Славянских писем» (1857). «Особенно у поэтов, — писал Мадзини, — и в частности у поэтов таких устремлений, как Мицкевич, Коллер, Пушкин, можно найти предвестия того движения, которое в скором времени станет мощным фактором переустройства Европы».²

Для целого поколения деятелей славянской литературы середины и второй половины XIX века Пушкин, действительно, становится идейным вдохновителем и высоким поэтическим образцом. Его литературное наследие получает в этот период широчайшее распространение в славянских странах. Переводчиками его становятся крупнейшие представители национальных славянских литератур. В Болгарии, в Сербии, в Словакии, в Черногории творения Пушкина, в частности, играют немалую

¹ «Интернациональная литература», 1937, № 2, стр. 154, 156, 157.

² G. Mazzini. Lettere slave con prefazione di Fabrizi Canfora. Bari, 1939, стр. 24—25.

роль, как пример для создания национального литературного языка.

В своем «Обзоре русской литературы», изданном в Варшаве в 1841 году, Петр Дубровский ярко характеризует значение поэзии Пушкина в формировании литературных и политических интересов современного молодого поколения: «Приятно вспомнить те счастливые годы ранней молодости, когда в дни школьной жизни, в какой-то святой потаенности мы переписывали и учили наизусть стихотворения Пушкина, хотя суровые педагоги строго возбраняли нам это... Пронеслась ужасная весть о внезапной кончине Пушкина. Умолк тот голос, к которому прислушивался весь народ и который столь красноречиво выражал его горе и радости. Пушкин дал русской литературе толчок к народности... Он глубоко понимал великую мысль о литературной взаимности между нашими народами».¹

Мысли Дубровского дополняет в 1842 году в предисловии к своему, изданному в Варшаве, переводу «Цыган» Леон Янишевский, бывший участник восстания 1830—1831 годов, высланный царским правительством на Кавказ. «Миновал четвертый год, — пишет Янишевский, — с тех пор, как великий Пушкин сошел в могилу. Печальный конец поэта в момент наивысшего расцвета его духовных сил, окруженного всеобщими надеждами, любовью и славой, был мучительным испытанием, выпавшим на долю целого народа. Невознаградимой была эта потеря и для нас». Так, устами передовой, молодой Польши давалось на почве пушкинской поэзии разрешение пресловутому вопросу о польско-русских отношениях, служившему и впоследствии поводом для злостного разжигания национальной вражды между двумя братскими народами.

В 1841 году к поэзии Пушкина обратился молодой польский поэт-революционер Петр Дальман, опубликовавший во Вроцлаве трагедию «Марина Мнишек» с приложением ряда своих стихотворений, в том числе и обращения «К Пушкину» («Do Puszkina»)². Основной мыслью этого примечательного стихотворения является мысль о великом значении Пушкина как «будителя» миллионов людей, о его поэзии, вдохновляющей на борьбу «народы от Немана до Камчатки», о его «огненном слове», несущем людям вольность и свободу.

Период 40—60-х годов прошлого века необычайно богат переводами Пушкина на славянские языки. На польский его

¹ Piotr Dubrowski. Przegląd literatury rosyjskiej. Warszawa, 1841.

² Maryna Mniszówna, tragiedyja. Poezje pomniejsze Piotra Dahlmanna, we Wrocławiu, 1841.

переводят Ксаверий Войнилович («Кавказский пленник» и «Братья разбойники», 1843), Марцин Шимановский («Скупой рыцарь» и «Медный всадник», 1843), Адам Сикорский («Евгений Онегин», 1847), Владислав Сырокомля (ряд стихотворений, 1847). В то же время появляются и первые хорватские переводы из Пушкина, начиная с анонимного «Стрпí Djordje» («Песня о Георгии Черном», 1840) и кончая переводами Станко Враз («Пиковая дама», 1842), Огнеславе Утешеновича («Сказка о рыбаке и рыбке», 1847), М. Пуича («Клеветникам России», 1851), Поповича («Капитанская дочка», 1849). Начало этому движению положил видный деятель иллирийского возрождения Людевит Гай, привезший из своей поездки в Россию много русских книг, которые служили ему и его литературным друзьям «средством согреться от жестокого холода, духовного омертвения и удручающей ненависти». Станко Враз, в свою очередь, обращался к молодым хорватским писателям с призывом: «Не можем не посоветовать господам, пишущим у нас рассказы и повести, читать Пушкина и Гоголя и стремиться стать для нас, иллирийцев, в нашем духе тем, что представляют собою названные два писателя для наших братьев русских».¹ Творческое общение с Пушкиным входит с этого времени в традицию передовой хорватской и сербской литературы, оказывая на нее свое живительное и благотворное воздействие. Черногорский поэт Петр Негош посвящает памяти Пушкина свой поэтический сборник «Сербское зеркало» («Огледало србско», 1845), предваряя его стихотворением «Тени Александра Пушкина» — «счастливого певца великого народа». Под влиянием «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» Богович и Кукулевич в своих «рпветях» воскрешают в Хорватии образ героического вождя народного восстания Матвея Губца.

Культ Пушкина утверждается и в Словакии, где появляется, начиная с 1845 года, ряд переводов одного из виднейших словацких поэтов Карла Кузмани. Следует особо отметить интерес к Пушкину у крупнейшего представителя революционно-демократической словацкой поэзии, вождя крестьянских масс в дни событий 1848 года, узника будапештской тюрьмы Янко Краля, который в 1846 году переводит на словацкий язык «Песнь о вещем Олеге». В 1848 году словацкий поэт Андрей Сладкович в стихотворении «Духу Пушкина» выражает глубокую скорбь всего словацкого и чешского народа

¹ И. Бадалич. Русские писатели в литературе хорватского возрождения. «Slavia», 1948, № 3—4, стр. 330.

по поводу смерти поэта, сочетая ее со скорбью о политическом угнетении славянства:

Угас — и сколько слез повсюду пролилось,
Печальное настало время...
Судьба! зачем, скажи, ты нас разбила врозь,
Наслав на чехов вражье племя?..¹

В 1851 году начинает печатать свои великолепные переводы «Цыган», «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника», «Бориса Годунова» замечательный чешский поэт Ченек Бендл, открывающий новую эпоху в истории переводов Пушкина на славянские языки.

Особое место занял Пушкин в истории болгарской литературы 40-х и последующих годов. Один из основоположников болгарского марксистского литературоведения Г. Бакалов следующим образом определил значение Пушкина для болгарской общности: «Едва ли за пределами отечества Пушкина имеется иная страна, кроме Болгарии, где в большей степени считали бы его близким, своим поэтом. В Болгарии знали и знают Пушкина не как одного из лучших мировых поэтов, а как самого лучшего. До знакомства с Пушкиным не существовало болгарской поэзии».²

Знакомство это сказывается на поэтической деятельности почти всех первых болгарских поэтов, начиная с Добри Чиптулова и Петко Славейкова. Впервые имя Пушкина было упомянуто в болгарской критике в 1848 году, когда «Царьградский вестник» отметил «сатирика Пушкина» в ряду иных русских писателей.³

Петко Славейков знакомится в 1849 году с некоторыми стихотворениями Пушкина по известной в свое время хрестоматии Галахова, переписывает их в свою тетрадь и отмечает в ней:

Он не был братом мне,
Его узнал я лишь по музе,
Но стал мне он милее брата.⁴

¹ А. Сиротинин. Россия и славяне. 1913, стр. 11.

² Г. Бакалов. Пушкин и българската литература. «А. С. Пушкин, 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 февраля, стр. 9. (Однодневная газета под редакцией Гьончо Белева). — Из обширной литературы о Пушкине в Болгарии см.: Людмил Стоянов. Влияние Пушкина на болгарскую литературу. «Интернациональная литература», 1937, № 2; П. Динев. Пушкин в България. «Изкуство», 1946, № 1; акад. Н. С. Державин. Пушкин в Болгарии. «Знамя», 1949, № 6.

³ Ив. Д. Шишманов. Наченки на руско влияние в българската книжнина. «Български преглед», 1899, кн. IX—X.

⁴ «Поменъ за Пушкинъ», София, 1937, стр. 4.

В 1852 году появляются первые в болгарской поэзии, навеянные Пушкиным, стихотворения Петко Славейкова «Канарче» и «Стара планина», в основе которых лежат «Не пой, красавица, при мне» и «Погасло дневное светило».

В дальнейшем поэзия Пушкина становится настоящим достоянием болгарского народа, вступающего в 60-е годы в революционно-освободительную фазу своего национального возрождения.

Ослабление австро-венгерской монархии в результате неудачных для нее войн с Пруссией, Францией и объединявшейся Италией и подъем национально-освободительного движения в подвластных Турции славянских землях, завершившийся сербско-турецкой войной, апрельским восстанием в Болгарии в 1876 году и разгромом турецкой монархии победоносным русским оружием, создали новую политическую обстановку в славянских странах. В этой обстановке имя Пушкина стало еще более близким славянским народам. Мысль о том, что Пушкин является величайшим славянским поэтом, поэтом свободы и высокой человечности, становится господствующей в славянских литературах.

В Болгарии особый интерес к Пушкину проявляется в исторические для ее народа 70-е годы. В 1874—1875 годах в Бухаресте один из виднейших идеологов национально-освободительного движения Любен Каравелов издает переводы «Капитанской дочки» и «Кирджали». Классическая болгарская драма Василя Друмева «Иванко, убийца царя Асена» (1872) обнаруживает серьезное воздействие «Бориса Годунова»; Пушкиным увлекается великий болгарский поэт-революционер Христо Ботев, который еще в свои ученические годы декламировал пушкинские произведения «от сърдце, с душа, с жестове». В лирике Ботева пушкинские традиции занимают большое место. Стихотворение «Борьба» было вдохновлено пушкинской «Вольностью». Эпиграф из Пушкина «Паситесь, добрые народы!» Ботев предпослал своей сатире «Георгьовден». Пушкинские «Памятник» и «Поэту» нашли свое отражение в его «Дележе» («Делба»).

В освобожденной от турецкого ига Болгарии 80—90-х годов влияние Пушкина и рост количества переводов его творений свидетельствуют прежде всего о настойчивом стремлении передовой болгарской культуры к тесному сближению с великой русской литературой. Фигурой, олицетворяющей в своем творчестве и во всей своей литературно-общественной деятельности идею болгарско-русской дружбы и взаимности, выступает в это время болгарский народный писатель Иван

Вазов — ближайший наследник традиций национального возрождения в болгарской литературе.

Как и большинство деятелей болгарской культуры своего времени, Вазов познакомился с Пушкиным еще на школьной скамье, в детстве заучивая наизусть его стихотворения и позднее, в юношеские годы, зачитываясь вдохновенными статьями о Пушкине Белинского.

В болгарской литературе Вазов занял почетное место как переводчик пушкинских творений. Ряд лирических стихотворений Пушкина, отрывки из «Евгения Онегина» и «Медного всадника», отдельные сцены из «Бориса Годунова» и т. д. были большим вкладом Вазова в дело приобщения широкого болгарского читателя и прежде всего учащейся молодежи к творчеству великого русского поэта. В поэтическом творчестве самого Вазова пушкинское влияние сказалось прежде всего в том реализме поэтического языка, которым отмечены лучшие произведения болгарского поэта. Пушкину следовал Вазов и в создании ряда крупных образов своей поэзии, как, например, образа историка-просветителя Паисия Хилендарского в «Эпопее забытых», столь близкого летописцу Пимену из «Бориса Годунова». Сам Вазов неоднократно отмечал всю важность и благодетельность для него, как для поэта, общения с творчеством Пушкина — источником поэтической мудрости и поэтического мастерства. В своем стихотворении «Столетие Пушкина» (1899) болгарский поэт патетически выразил чувства всего болгарского народа по отношению к величайшему славянскому поэту:

И мы с Россией вместе, и мы с Россией рядом,
Друзья, сегодня чувствуем великого певца —
И в наших думах так же находит отклик радость,
И гордость наполняет болгарские сердца.

Мыслителю и гению земель и стран славянских
И мы венок сплетаем и шлем поклон земной;
Пленяет и волнует и нас — детей балканских —
Звучанье братской песни на лире золотой.

Пройдут века, а слава его души свободной,
Все с тем же добрым чувством, все с той же красотой,
Еще сильнее будет звенеть в любви народной
Чарующим напевом, высокою мечтой.

Привет тебе, Россия — великая держава,
Привет, страна, родившая чудесного певца, —
Так никогда еще ты себя не украшала,
Так никогда не бились твоих сынов сердца.

(Перевод В. Журавлева)¹

¹ Иван Вазов Родине. Избранные стихи. М., 1950, стр. 143.

Большой общественный резонанс этого стихотворения будет вполне понятен, если вспомнить о том, что режим князя Фердинанда в Болгарии ставил своей задачей всеми силами оторвать болгарский народ от его связи с братским русским народом-освободителем, вытравить у него сознание славянской солидарности перед лицом хищного западноевропейского империализма, лишить его могучей русской культурной опоры.

Вот почему в начале 90-х годов пушкинские стихотворения «Вольность», «На лире скромной», «Узник» и «Анчар» служили делу идейно-политической борьбы прогрессивной болгарской общественности с диктаторским режимом Фердинанда Кобургского и Ст. Стамбулова. Даже в самые мрачные дни германофильской политики болгарских правящих кругов поэзия Пушкина оставалась живым связующим звеном между болгарским народом и его великим освободителем. Переводчиками Пушкина в болгарской литературе в эту эпоху выступают поэты во главе с Вазовым представители прогрессивной писательской общественности, из которых особая заслуга в приобщении болгарского читателя к пушкинскому творчеству принадлежит выдающемуся сатирику-реалисту Алеко Константинову («Полтава», 1888; «Бахчисарайский фонтан», 1889; «Цыганы», 1894).¹

В Сербии, Хорватии и Словении в 60—80-х годах издается огромное количество переводов из Пушкина. Для Хорватии и Словении, продолжавших оставаться под владычеством австро-венгерской монархии, особенно характерна любовь к Пушкину, как к русскому поэту и живому символу вольности. Здесь складывается целая группа переводчиков-пушкинистов, среди которых выдающееся место занимают Иован Трнский, автор более чем 200 переводов из русских авторов, Иован Весел, Иован Весел-Колеский, М. Терновец-Ламурский, Медведь и, наконец, крупнейший словенский поэт-демократ Антон Ашкерц. Этому замечательному писателю словенского народа принадлежит и прочувствованное стихотворение «Царскосельский памятник юному Пушкину», заканчивающееся знаменательными строками:

В даль смотрят заглядевшиеся очи,
Надеждой молодого грудь полна,
И сам ты молод этим утром свежим,
И родина твоя, как утро, молода!

---

¹ Об А. Константинове, как переводчике Пушкина, см. в монографии: Н. С. Державин. Алеко Константинов. 1863—1897. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1935.

Сквозь тьму ветвей пробился солнца луч,
И точно гений, с высоты слетевший,
Чело твое приветливо целует,
Его ты чувствуешь ласковый привет,
Ты чувствуешь: над Русью утро встало.¹

В Сербии и Хорватии в 60—80-е годы плеяда переводчиков-пушкинистов была представлена именами крупнейших национальных писателей во главе со Змаем Иовановичем. Душан Рабович, переводя накануне столетней годовщины со дня рсждения Пушкина «Капитанскую дочку», особо отметил роль пушкинской прозы в развитии русского реализма и ее значение для сербской литературы.

Чешские и словацкие восприятия Пушкина 60—80-х годов связаны с такими выдающимися литературными деятелями, как Святополк Чех, Ярослав Врхлицкий, Элишка Красногорская, Светозар Гурбан Ваянский, позднее — Павел Гнездо-слав и др.

Влияние Пушкина на чешскую литературу в эту эпоху прекрасно иллюстрируется примером такого крупного поэта, как Густав Пфлегер-Моравский, автор романа «Пан Вышинский». В своем дневнике он отмечал: «Однажды вечером я прочел „Онегина“ Пушкина. Как молнией отразилась моя мысль. Я подумал несколько мгновений и вдруг понял. Реалистичность, именно идеальная реалистичность в изображении вещей, событий, и переживаний и мыслей, только в своего рода возвышенном воплощении — вот что я понял и что стало моей целью».²

Гурбан-Ваянский посвятил русскому поэту сонет «Перед памятником Пушкина».

Ярослав Врхлицкий, вдохновившийся известной картиной И. Репина и Айвазовского, написал поэму «Пушкин у моря». Ему же принадлежит четверостишие, ярко характеризующее отношение чешской литературы к Пушкину как воплощению поэтического гения русского народа:

Над смолкшей степью майский прокатился гром.
Какая жизнь, какая сила в звуке том!
То песнь твоя! Ее ценить я не берусь.
Скажите: Пушкин! Вам ответит эхо: Русь!³

Исключительно важное место в ознакомлении передовой чешской общественности с поэзией Пушкина занял крупней-

¹ А. Сиротинин. С родных полей. Пгр., 1916, стр. 11—13.

² J. Machal. A. S. Puškin. «Slovensky Prehled», 1899, I.

³ А. Сиротинин. С родных полей. Пгр., 1916, стр. 10.

ший писатель-патриот Святополк Чех, перу которого принадлежит стихотворение «Пушкин и Мицкевич», проникнутое высокой идеей славянского единства и взаимности:

Когда покинул край родной
Творец свободной польской песни,
В изгнания жил его ровесник —
Великий Пушкин. В тяжкий зной

Певца Людмилы мчали кони
К Днестру по рытвинам дорог,
И ветер в яростной погоне
Его лицо ласкал и жег.

В степных краях, меж буераков,
Там, где когда-то вновь и вновь
Мешалась в битвах кровь поляков
И вольная казачья кровь,

Где бранные хранит могилы
Седая, выжженная степь,
Изгнанников соединила
Тираном скованная цепь.

В стремленьи к вольности едины,
Бесправья проклиная мрак,
Сошлись душой два исполина —
Великий русский и поляк.

Слились два сердца в общем звуке,
Лучи скрестились двух огней,
Когда друг другу жали руки
Пророки лучших, вольных дней.

(Перевод С. Маршака)¹

Сближение чешского и русского народов, деятельным поборником которого являлся Святополк Чех, было скреплено в 60—70-е годы появлением на чешской сцене опер великих русских композиторов, написанных на пушкинские сюжеты. В 1867 году Милий Балакирев в Праге дирижирует «Русланом и Людмилой» Глинки, а в 1888 году на пражской сцене ставит своего «Евгения Онегина» Чайковский. В 1871 году в Праге же идет и чешская опера Лепольда Мехуры «Мария Потоцкая», написанная на сюжет «Бахчисарайского фонтана» (либретто Иозефа Коларжа). Примерно в это же время «Барышня-крестьянка» переделывается в оперу «Лизанька» хорватским композитором Зайцем (либретто Томича). Отметим попутно, что в 1902 году хорватский драматург В. Кошцевич написал трагедию «Смерть Пушкина» («Puškinova

¹ «Знамя», 1949, № 6, стр. 46.

smrt»), в которой истолковал дуэль поэта, как результат его политического столкновения с петербургской аристократией и высшими дворцовыми сферами.

3

Исполнившееся в 1899 году столетие со дня рождения Пушкина было широко отмечено во всех славянских странах. Торжественные чествования памяти Пушкина состоялись во всех крупных славянских культурных центрах и носили, по большей части, яркое политическое содержание, определявшееся стремлением к объединению местных прогрессивных сил вокруг имени Пушкина, как символа русского народа. В пражском журнале «Osvěta» пушкинский юбилей был оценен как «одно из наиболее радостных событий в истории славянства».¹ В своей статье «Пушкин как национальный поэт» болгарский писатель Пенчо Славейков писал, что празднование столетия со дня рождения Пушкина является «... не обыкновенным литературным праздником, а праздником национального сознания стомиллионного народа, который в ряду цивилизованных народов занял особое место... Пушкин родился и жил в эпоху духовного пробуждения своей нации, в великие задачи будущего которой он проник. Он стал провозвестником сил своего народа, провозвестником всего того, к чему стремятся величайшие сыновья этого народа».²

В связи с празднованием столетия со дня рождения Пушкина значительно возросло количество новых переводов его гворений на славянские языки. В Польше появился перевод «Евгения Онегина» Лео Бельмонта, в Хорватии была опубликована «Пушкинская антология» Ивана Трсского, в Словакии издан «Евгений Онегин» Ив. Приятеля и т. д. В 1899 году и самый малочисленный из славянских народов — лужицкие сербы впервые приобщились к пушкинской поэзии переводом «Сказки о рыбаке и рыбке» Микулаша Бедриха-Радлюбина.

От лица чешской литературы юбилей Пушкина в журнале «Золотая Прага» приветствовал литературный критик Штепанник, писавший: «Произведения Пушкина были всегда любимы у нас... Не следует забывать, что его гений ока-

¹ J. Toužimski. Stoleté jubileum A. S. Puškina. «Osvěta», 1899, XXXI, s. 639—645.

² П. Славейков. Пушкин като национален поет. — В сборнике: П. Славейков. Чужди литератури, изд. 2-е, София, 1940, стр. 89.

зал влияние на многих из наших поэтов еще со времен Челяковского. Тем скорее можем мы присоединиться к радостному хоралу русского народа, раздающемуся в эти дни всюду, где только звучит прекрасный и богатый русский язык».

В журнале «Лужица» в 1899 году появляется целая серия статей о Пушкине — «одной из самых ярких звезд на литературном небе всех славянских народов». Переводчик «Сказки о рыбаке и рыбке» пишет на страницах этого журнала: «Пушкин — самый славный русский поэт. „Золотая рыбка“ показывает, как близко подошел он к народной душе. Не удивительно, что он стал любимцем всего русского народа».

К 1899 и ближайшим годам необычно возросло в славянских странах и количество историко-литературных и критических трудов, посвященных великому русскому поэту. Нельзя не упомянуть в связи с этим и о том, что буржуазный национализм в ряде славянских стран, резко расходясь в оценках значения Пушкина для славянских народов с прогрессивной общественностью, использовал его юбилей для тенденциозной пропаганды местного шовинизма и лжепатриотизма. Это относится, в частности, к некоторым представителям польского буржуазного литературоведения, в особенности же к пресловутому, ставшему «пушкинистом» Юзефу Пилсудскому — будущему главе польского фашизма, выступившему с демагогической статьей «О юбилее Пушкина», направленной к разжиганию национальной вражды между двумя народами. Последующие восприятия и оценки пушкинского литературного наследия польской общественностью показали, однако, насколько ее подлинно передовые силы оказались более прозорливы в своем возврате к концепции Мицкевича и в своем разрыве с националистическими толкованиями пушкинской поэзии.

Между двумя юбилеями 1899 и 1937 годов интерес к Пушкину в славянских странах отнюдь не обнаружил признаков ослабления. Наоборот, на славянских языках никогда не появлялось так много новых переводов из Пушкина, как между этими памятными датами. Мировая война 1914—1918 годов, с особой тяжестью обрушившаяся именно на славянские народы, еще и еще раз обратила их взоры к Пушкину, как к поэту свободы и независимости.

Юбилейные пушкинские торжества 1937 года происходили в совершенно новой обстановке политической жизни славянских народов, в атмосфере уже близившейся германо-фашистской агрессии. Неудивительно поэтому, что в ряде славянских

стран чествование величайшего русского поэта в столетнюю годовщину со дня его кончины вылилось в манифестацию идейной солидарности местной передовой общественности с той страной, которая является родиной Пушкина и представляет оплот мира и безопасности — великим Советским Союзом. Пушкинские торжества в Чехословакии, широкая пропаганда пушкинского творчества такими передовыми представителями словацкой общественности, как Янко Ясенский, Илемницкий, Бртань и другие, высказывания о Пушкине передовых представителей болгарской культуры Людмила Стоянова, Тодора Павлова, Г. Бакалова и других, многочисленные отклики прогрессивных деятелей польской культуры во главе с крупнейшим поэтом и прекрасным переводчиком-пушкинистом Юлианом Тувимом и т. д., — все это свидетельствовало о том, что Пушкин вошел как неотъемлемое достояние в идейную жизнь передовой славянской общественности.

Один из виднейших антифашистских писателей Болгарии Людмил Стоянов писал в 1937 году: «Поэтическое дело Пушкина ныне объединяет мысли всего культурного человечества и устремляет их к стране, в которой гений его нашел свою высочайшую оценку и полнейшее признание. Пушкин... вырастает ныне во всем своем величии и достойно занимает свое истинное место. Только в стране новой культуры, в свободной Советской стране Пушкин мог получить доступ к сердцам миллионов, завоевать поистине любовь калмыка и тунгуса, всего народа... Болгарская передовая интеллигенция, почти тающая Пушкина, как своего учителя, как одного из величайших представителей человечества, готовится чествовать столетие со дня его смерти с полным сознанием глубокой признательности. Она дает свободное выражение своим чувствам восторга, преклонения и благодарности перед великим поэтом, который научил ее верить и бороться за самые возвышенные идеалы человечества».¹ Болгарский проф. Янулов подчеркивал: «Современная эпоха, подобно эпохе Пушкина, так же — переходна. Европа, весь мир и сейчас разделены на два лагеря: один выступает в защиту свободы и демократии, зарю которой приветствовал Пушкин, другой стремится снова вернуть народы в рабство и остановить торжество социальной правды. Вот почему ныне единение со свободным гением великого русского поэта рождает надежду на достижение свободы, а восторг перед его творчеством у широких народных масс

¹ «А. С. Пушкин», София, 1937, 20 февраля, стр. 2. (Однодневная газета под редакцией Г. Белева).

служит свидетельством, что в нашу эпоху свобода и социальная правда победят».¹

В своей статье «Пушкин — поэт свободы» передовой польский писатель Юлиан Тувим, подробно охарактеризовав революционную идеологию Пушкина — друга и литературного соратника декабристов, отметил, что «мечты гениального поэта осуществила под знаменами Ленина—Сталина великая пролетарская революция».²

В оценке Пушкина, как поэта свободы, с Юлианом Тувимом сошелся другой крупный польский поэт, будущий воин за освобождение Польши от фашистского гнета, Люциан Шенвальд, писавший о великом русском поэте, как «поэте прогресса и вольности... глубоко чувствующем свою связь с народом».³

В Чехословакии, которая в 1938 году первой из славянских стран стала жертвой фашистской агрессии, наилучшую оценку Пушкина, как союзника всех свободолюбивых народов, дал проф. Зденек Неедлы, писавший: «Во всем мире должен звучать новый, советский Пушкин. Ведь сегодня во всем капиталистическом мире положение человечества несколько не лучше, чем во времена Пушкина. Гениальные и могучие пушкинские стихи — мощный зов к народам подняться на борьбу за свои права, за права человечества. Пусть во всем мире юбилей Пушкина будет не только юбилеем поэта, а выражением стремлений к лучшей жизни, непреклонной решимости отвоевать ее в жестокой борьбе».⁴

Подобными мыслями и настроениями были отмечены многочисленные высказывания о Пушкине крупнейших представителей передовой общественности во всех славянских странах. Чувства этой общественности красноречиво выразила в своем стихотворении «Пушкину» болгарская поэтесса Мария Грубешлиева:

Пройдут века путем необратимым, —
А ты все будешь, как маяк, сиять —
Средь всех имен огромное имя:
Поэт, предтеча и пророк!

Не сам ли ты свою провидел славу?
И вот не только финн, тунгус, калмык, —
А сотни их, племен, тебе безвестных,
От яростной Невы до льдов полярных,

¹ «А. С. Пушкин», София, 1937, 20 февраля, стр. 15.

² Marian Jakóbiec. Jubileusz Puszkina w Polsce. «Pyszkjn. 1837—1937», t. II, Kraków, 1939.

³ Там же.

⁴ «Новый мир», 1949, № 6, стр. 246.

От океанских медленных валов
До снежных кряжей гордого Памира,
Шестую часть планеты оглашая,
С любовью повторяет имя:

Пушкин!

(Перевод Н. Манухиной)¹

4

Великая Отечественная война 1941—1945 годов принесла на победоносных знаменах Советской Армии свободу и независимость всем славянским народам, томившимся под германофашистским игом. В освобожденных славянских странах, приступивших при братской поддержке и бескорыстной помощи СССР к своему хозяйственному и культурному возрождению на путях строительства социализма, имя Пушкина стало одним из первых среди имен классиков русской литературы, к которым обратились широкие массы читателей, избавленные от фашистского цензурного гнета. Обилие переводов из Пушкина, постановки опер и балетов на пушкинские темы, огромное количество статей о Пушкине, курсы, посвященные Пушкину в университетах, и т. д. — характеризуют культурную жизнь всех славянских стран народной демократии, свидетельствуя об их великой и глубокой любви к русской культуре. Мысль о том, что только в СССР творчество Пушкина стало поистине всенародным достоянием, является типичной для большинства высказываний о Пушкине в современной славянской печати. Имя Пушкина неразрывно сочетается в сознании современной славянской народной демократии с великим строительством коммунизма на его родине, с понятием о новой советской культуре и новом советском человеке — законном наследнике великих культурных ценностей, созданных в прошлом русском народом.

В 1948 году, в 111-ю годовщину со дня кончины Пушкина, болгарский писатель Камен Зидаров отмечал: «Сто одиннадцатая годовщина смерти Пушкина совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны. Когда впереди демократических сил всего мира шествуют сплоченные и миролюбивые славянские народы во главе с непобедимым Советским Союзом, с какой суровостью и силой звучат слова поэта против тех новых „клеветников России“, которые стремятся забыть, что дали советские народы для избавления мира от ига

¹ «Песни и думы». Сборник болгарской поэзии, М., 1941, стр. 37—38.

гитлеровского фашизма, и прилагают преступные усилия, чтобы организовать новый поход против СССР».¹

Празднование 150-летия со дня рождения великого русского поэта явится демонстрацией глубокой братской дружбы славянских народов, выражением их чувств признательности к своему освободителю — великому Союзу Советских Социалистических Республик и выражением любви к творчеству того гениального поэта, в котором уже при его жизни передовое славянство чтило и любило воплощение творческого гения русского народа.

---

¹ Камен Зидаров. А. С. Пушкин и дните кои то преживяваме. «Славяны», София, 1948, № 1, стр. 33.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952